

L. S. Moskovchuk
 Saint-Petersburg state electrotechnical university «LETI»

FEATURES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY OF THE ENGINEER IN MODERN RUSSIAN CULTURE

This article reviews changings of profession status and attitude to job in modern society and culture, the professional identity formation mechanism, the problem of engineer`s professional identity. It is also analyzes the representation of the engineer`s professional image in modern culture.

The ethos of the profession, the representation of the profession in popular culture, the image of the profession, the social mission of the profession, the creative class, social and cultural image of the engineer

УДК 81'44

М. А. Флакман
 Санкт-Петербургский государственный электротехнический
 университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Универсальные черты звукоизобразительной лексики: опыт типологического сравнения

Приводится обзор ряда отличительных особенностей звукоизобразительной лексики различных неродственных языков мира. Звукоизобразительная (звукоподражательная и звукоимоволическая) лексика – это лексика со структурной, иконической связью между фонетическим обликом и денотатом. При подобном иконическом словосоздании стремление говорящего как можно более точно передать называемый звук приводит к тому, что звукоизобразительные слова в большей степени похожи на элементы внеязыковой действительности и в меньшей – на остальные слова языка, к которому они принадлежат.

Звукоизобразительность, идеофон, фоносемантика, звукоподражания, звукоимоволизмы, знак-икон, лингвистическая типология

Согласно универсальной классификации знаков, предложенной одним из основателей семиотики Чарльзом Сандерсом Пирсом [1], звукоизобразительное слово представляет собой знак-икон.

Ч. Пирс (в зависимости от характера связи означаемого и означающего) выделил знаки трех классов: знаки-индексы, знаки-иконы и знаки-символы. Знак *икон* – это знак, в котором означаемое и означающее связаны между собой по подобию (например, картина и фотография). Знак *индекс* – это знак, означающее и означаемое которого связаны по смежности, по расположенности во времени или пространстве (например, дым – знак огня). Знак *символ* – знак, в котором означаемое и означающее связаны конвенциональной, условной связью (например, флаги государств). Эта классификация оказывается применимой

также к такой сложной семиотической системе, как язык.

Подавляющее большинство слов языка, как было постулировано в начале XX века Фердинандом де Соссюром [2], представляют собой знаки-символы, поскольку ничто в их фонетическом облике не говорит об их содержании – связь со значением у таких слов исключительно конвенциональна. Однако в любом языке существует относительно небольшая группа звукоизобразительных слов, обладающих преимущественно иконическими чертами. Их, вслед за С. В. Ворониным [3], принято подразделять на звукоподражания (слова, представляющие собой акустическую имитацию природных звучаний) и звукоимоволизмы (слова, представляющие собой артикуляторную или акустико-артикуляторную имита-

цию действий, движений, физических объектов). Примерами первого типа слов, в той или иной степени копирующих природные звучания, могут послужить русские слова *мяу!*, *шлен!*, *шуршать*, *дребезжать* или английские *meow*, *platch*, *rustle*, *jingle* соответственно. Примерами второго – русские *плевать* и *тьфу!* и соответствующие им английские *spit* и *pfui!* Артикуляторный жест «плевок» передается лабиальными (т. е. образованными с задействованием губ) согласными /p/ и /f/, входящими в состав этих слов.

Установлено [4], что количество слов сильно варьируется от языка к языку. В некоторых языках [4], [5], где их количество значительно, звукоизобразительные слова выделяют в особый грамматический класс – идеофоны (термин впервые ввел С. Доук [6] в 1935 г.). Термин «идеофон» традиционно применяется к словам-обозначениям эмоций, звуков, состояний, которые не принадлежат ни к одной из грамматических категорий и обладают рядом фонетических, морфологических, словообразовательных и синтаксических особенностей. Зачастую нетипичные фонетические и словообразовательные особенности идеофонов, рассматриваемые далее, и служат причиной причисления их к отдельной, самостоятельной категории. В других языках, где идеофоны отсутствуют как грамматический класс, (например, в русском или английском) аналогичные слова обычно причисляют к междометиям.

Звукоподражания и звукоимовизмы различных языков мира во многом схожи, но не идентичны друг другу, так как: 1) в основу их номинации могут быть положены разные признаки денотата, 2) их создание происходит в рамках преимущественно символических систем, накладывающих свои инвентарные и фонотактические ограничения.

Настоящий обзор посвящен сопоставительному рассмотрению звукоизобразительной лексики языков различных семей, географически отдаленных друг от друга. Принципиальное **отличие предлагаемого подхода** от других, используемых в аналогичных работах, заключается в том, что рассматривается не сходство и различие звукоизобразительных слов двух или нескольких сравниваемых языков (как это сделано, к примеру, в работах Э. Вельди [7], Н. Канкии [8], Т. Койбаевой [9], И. Мазанаева [10] и др.), а черты, по совокупности отличающие **звукоизобразительную лексику** рассматриваемых языков **от лексики незвукоизобразительной**. Исследование базиру-

ется в основном на материале, представленном в двух авторитетных сборниках, посвященных исключительно звукоизобразительной лексике – *Ideophones* [4] и *Sound Symbolism* [5]. В статье также приводятся иллюстрирующие то или иное явление примеры из английского языка, взятые из Большого Оксфордского словаря [11].

Такое изучение материала показало, что звукоизобразительная лексика обладает рядом универсальных черт в строении, словообразовании и функционировании в речи, которые проявляются вне зависимости от того, к какому языку она принадлежит, и именно эти универсальные черты отличают ее от незвукоизобразительной лексики в целом.

Слова с ярко выраженной иконической связью между фонетическим обликом и денотатом оказываются схожими между собой в следующих аспектах:

I. Фонетический облик

1.1. В составе ряда звукоизображений нередко встречается **ряд звуков, не входящих в основной фонемный инвентарь языка**.

В английском языке находим четыре зафиксированные звукоизобразительные лексемы с указанием на наличие в их составе нетипичных звуков. Это слово *ough*, *ugh* /ʊx/ (фу! – обозначение отвращения), содержащее фонему /x/, отсутствующую в британском варианте английского языка; слово *poh* (пф! брр! – выражение недоверия, презрения), произносимое с губно-губным дрожащим согласным, звуком, приближенным к /p/, но имеющим сходство с /t/; слово *tchick*, *tchek* (тпру-ру! – звук, издаваемый при понукании лошадей), произносимое с палатальным щелчком, и *tsk* (раздражение, презрение), произносимое с альвеолярным щелчком. К этой категории можно также причислить пренебрежительное фырканье (*Bronx Cheer*, *raspberry*).

Однако в некоторых языках, не принадлежащих к индоевропейской семье, это явление, по видимому, распространено гораздо шире. Так, в австралийском языке ир-йоронт исключительно в идеофонах встречаются звонкие и глухие билабиальные трели *ppp*, *ppb* – звуки падения [12. С. 177]. В зулусском языке (язык группы нгуни языков банту), как отмечают С. Мсиманг и Г. Поулус [13. С. 246], фонема /t/ встречается исключительно в составе звукоизображений. Т. Кауфман [14. С. 68] также указывает на то, что фонема /tt/ встречается в уастекском языке (территория со-

временной Мексики) или в составе звукоподражаний, или в заимствованиях из испанского.

В последней связи рядом авторов также отмечалось, что очень *редкие* или *новые звуки* языка наиболее активно используются в звукоизобразительных словах [15], и что набор фонем звукоизобразительных и незвукоизобразительных слов языка в целом может не совпадать [16. С. 70]. Имеются отдельные свидетельства того, что новые фонемы могут приходить в язык из звукоизобразительной сферы. Так, фонема /œ/ в финском и эстонском языках появилась сначала исключительно в звукоизобразительной лексике как вариант /o/ [17. С. 234].

С точки зрения автора статьи, наличие в составе звукоизобразительных слов фонем, не входящих в инвентарь языка, может быть логически продиктовано только неосознанным стремлением говорящего приблизить произношение слова к называемому звучанию. Наиболее удачные «внеинвентарные» фонемы, по-видимому, начинают воспроизводиться языковым коллективом и постепенно входят в уzus или исключительно в состав иконических лексем, или даже (как свидетельствует Э. Миконе [17. С. 234]) в состав новых слов с конвенциональной связью между фонетическим обликом и денотатом.

Следует отметить, что некоторые дистинктивные признаки фонем в звукоизобразительных словах теряют смысловозначительную функцию или наоборот, ее приобретают. Так, по свидетельству Э. Миконе [17], долгота гласного или согласного в финском и эстонском языках является смысловозначительной, но в звукоизображениях она таковой быть перестает. Т. Чилдс [18], напротив, отмечает, что в языках банту назализация и долгота гласного имеют смысловозначительную функцию у идеофонов, хотя эти характеристики нерелевантны для других слов языка, к которому эти идеофоны принадлежат.

1.2. Ряд авторов отмечает, что в составе отдельных звукоизобразительных слов иногда встречаются недопустимые с точки зрения строя языка **фонотактические сочетания**. Таких свидетельств мы встречаем гораздо больше, чем свидетельств наличия в составе слов нетипичных для языка фонем.

Наиболее распространенным фонотактическим нарушением является наличие в составе звукоизобразительных слов **консонантных кластеров** в языках, где их наличие недопустимо.

В английском языке встречаются такие состоящие исключительно из согласных междометия, как *zzz* – обозначение сопения, храпа, *bzzz* – обозначение жужжания (ср. рус. *брр!* – обозначение отвращения или дрожания).

География этого явления, по всей видимости, довольно широка. Так, например, в языке тямингтонг (Австралия) есть слово *ngunkulurrb* – бормотать, противоречащее правилам его фонотактики [19. С. 372]. В финно-угорских языках, в звукоизобразительных словах часто встречаются фонотактически недопустимые в остальном лексиконе сочетания нескольких согласных, такие как финские *kr-, kl-, pl-, pr-*, (например, *klaasuta* – запинаться) или эстонские *kr-, kl-, pl-, pr-, tr-, ts-* (*plahvima* – глотать, пожирать) [17].

В ряде языков в звукоизображениях могут встречаться **звуки, недопустимые в определенной позиции** или **в сочетании с каким-то определенным звуком**. В английском языке это слова с начальным сочетанием /vr-/ (*vroom* – звук мотора), с начальным /θw-/ (*thwack* – сильный удар) и начальным /mr-/ (*mrow* – мяукать).

В звукоизображениях может также наблюдаться нетипичная структура слога (в том числе, возникающая из-за нетипичных для языка консонантных кластеров). Так, по свидетельству Ф. Амеки [20. С. 30], у идеофонов эве встречается нетипичная для этого языка структура слога CVV и CVN (*kpat* – звук столкновения двух поверхностей). Я. Малкиель [21] приводит в пример испанское слово *chuesa* – наседка, образованное от звукоподражательного *chuequear* – кудахтать, квохтать, которое имеет два согласных подряд в начале слова, – случай, нетипичный для испанского языка. Исследователь предполагает, что это слово сохраняет сочетание *cl-* с более ранних этапов развития языка. Если это так, то *chuequear* – случай неуникальный. Как показало специальное исследование [22], ряд английских звукоизображений исторически не подчинились действовавшему в языке регулярным фонетическим изменениям и сохранили свою форму благодаря иконичности (*cuckoo* – кукушка, *hoot* – ухать и др.).

Примечательно, что нарушение звукоизображениями фонотактических норм наблюдается и в таких относительно молодых системах, как креольские языки. А. Бартенс [23. С. 30] отмечает, что в креольских языках идеофоны нарушают законы фонотактики: в языках с типичной слоговой структурой CV у идеофонов появляется закрытый слог.

Нетипичные черты фонетического облика звукоизобразительных слов делают их «точными», но одновременно экспрессивными и стилистически маркированными.

II. Словоизменение. Здесь не рассматривается словообразование от идеофонов и звукоизобразительных междометий, которое может осуществляться с помощью аффиксации или по конверсии, а сосредоточивается внимание на изменениях, происходящих с основой звукоизобразительного слова, которые можно охарактеризовать как *иконические*, т. е. в какой-то степени отражающие те или иные меняющиеся характеристики денотата. В целом звукоизобразительные слова могут не иметь четко фиксированной формы: во многих случаях они способны изменять план выражения в зависимости от дополнительных параметров плана содержания (высота, громкость называемого звука, размер предмета, интенсивность качества или эмоции), т. е. меняться пропорционально изменениям денотата.

Так, *экспрессивное чередование гласных и согласных* является универсальным способом модификации значений звукоизобразительных слов, что отмечалось Х. Марчандом [24] и Р. Вескоттом [25]. Изменение согласного по месту образования или гласного по высоте подъема, с одной стороны, не влияет на распознавание иконического слова, но, с другой стороны, придает дополнительный оттенок значению.

В этом заключается кардинальное отличие звукоизобразительной лексики от незвукоизобразительной. При замене одной фонемы полностью меняется значение незвукоизобразительного слова. Сравним: англ. *pen* – ручка и *pan* – сковорода или *table* – стол и *label* – ярлык являются абсолютно разными словами, в то же время при замене фонем некоторых иконических слов значение меняется не полностью, меняется лишь одна из его характеристик (например, *ding* – звон и *dong* – звон, но звон более низкой частоты, *clash* – столкновение, удар и *crash* – столкновение, но более сильное, удар с грохотом).

В целом случаи экспрессивного чередования гласных и реже согласных отмечаются практически всеми исследователями, чьи работы рассматриваются в настоящей статье [4], [5]. Приведем лишь некоторые из подобных чередований.

В зулусском языке идеофоны *phihli* – разбить на кусочки, *phehle* – расколоть, *phahla* – разбить, уронив, *phuhlu* – разлагаться [13], несомненно, являются

звукотражательными, и чередование гласных изменяет их смысл лишь незначительно. Часто иконические чередования встречаются в редуцированных формах (например, в языке ир-йоронт *lhophlhup* – звук глотания [12]). Также отмечалось, что значимые чередования гласных и согласных встречаются в комбинации (например, эст. *koperdama* – тащиться, спотыкаться имеет варианты *kaperdama*, *köperdama*, *kooperdama*, *koomerdama*, *poperdama*, *pökerdäma*, *tokerdama*, *tuterdama* [17]).

Примечательно, что в отдельных случаях на общее восприятие звукоизобразительного слова, по некоторым свидетельствам, не влияет не только замена одной фонемы, но и изменение порядка следования целых слогов. Так, носители языка чилуба не делают различия между идеофонами *kutònkola* и *tonkòtonò* – переворачивать, *kucànkunya* и *can-kùcankù* – жевать [26. С. 141].

У звукоизображений существует также еще ряд иных особенностей словоизменения: редупликация, экспрессивная геминация и увеличение количества гласного.

Редупликация может быть морфологическим средством образования множественного числа (любых, не только иконических) существительных (например, хауса *kulob* – клуб, *kulob-kulob* – клубы [27. С. 119]), времени глаголов (перфективные формы), слов другого грамматического класса. Однако в то же время редупликация (полная или частичная, без или с чередованием фонем) является одним из самых распространенных механизмов:

1) **создания новых звукоизображений**, когда повторяющиеся элементы заключены в самой структуре слова (англ. *cuckoo* – кукушка, були *tolotolo* – индюк [27. С. 95]);

2) **интенсификации значения** звукоизобразительного слова (рус. *ба-бах!*);

3) **образования множественного числа** звукоизобразительных слов в языках, где редупликация не является стандартным способом образования множественного числа. Следует, однако, отметить, что для звукоизображений **множественность** – это повторяющийся звук или элемент звучания (англ. *ding-ding-ding* – долгий, повторяющийся звон колокольчика, догон *búgu-bagú-bugú* – шум от хлопков по воде [27. С. 114], волоф *kólókóló* – звучать (о колоколе) [Там же. С. 106]).

Экспрессивное удлинение слога и геминация – еще один способ иконического словоизменения. При помощи изменения количества гласного или согласного происходит незначительная модификация значения слова.

Обычно это или *интенсификация* значения (большой > очень большой, маленький > очень маленький, яркий > очень яркий и т. п.) или *прямое отражение номинируемого звучания* (долгое произнесение слова = долгое (или громкое) природное звучание). Так, в языке киси идеофон *hã-ã-ã-ã...* имеет значение «долго, длительное время» и обладает несвойственной языку длиной слога [18. С. 180]. Идеофоны языка эве могут иметь символическое удлинение последнего слога, например, *lotoo* – большой и круглый и *lotooooooo* – очень большой и круглый [20. С. 28].

III. Функционирование в предложении. Ряд авторов [4], [5] отмечает, что явные, ярко выраженные иконические слова могут заменять собой целое предложение или высказывание, а в случаях, когда их используют внутри предложения или в речи, они могут выделяться интонационными паузами либо вводиться специальными словами (часто глаголами со значениями «сделал» или «сказал»).

Так, идеофоны языка ир-йоронт всегда неизменяемы и только в отдельных случаях образуют сложные слова путем сложения корней: *thut* – звук удара, *thutpfff* – попасть в кого-то бумерангом [12. С. 173].

В целом звукоизобразительные слова, не оформленные грамматическими средствами конкретного языка, имеют тенденцию к изоляции и к общей неинкорпорированности, которая проявляется в очень узкой лексической сочетаемости и синтаксической дистрибуции [4], [5].

По совокупности наблюдений можно заключить, что в различных языках мира явно выраженные иконические слова зачастую сильно отличаются от неиконических, образуя своеобразную «систему в системе». Сам факт выделения идеофонов в особую грамматическую категорию говорит о том, что по ряду параметров они не вписываются в системы изучаемых неродственных и географически удаленных друг от друга языков. Парадокс же выделения *части речи* на основании не только семантических, формальных и функциональных но и *фонетических* признаков говорит о том, что иконические слова образуют некий «примитивный язык в языке» со своей (ненормативной с точки зрения правил конкретного языка, но правильной с точки зрения соотношен-

ности с денотатом) фонетикой, своей (прото) морфологией, основанной на разных иконических видоизменениях формы, и своим синтаксисом (точнее его отсутствием в том плане, что идеофон или междометие заменяют собой целое высказывание и сочетание нескольких идеофонов, становясь скорее «текстом», чем «предложением»).

Таким образом, наблюдается буквально следующее: в любом языке мира, т. е., в любой *символической* (по Ч. Пирсу) системе, построенной из единиц с *конвенциональной* связью между планом выражения и планом содержания, на основе *конвенциональных* правил словоизменения и синтаксиса существует большее или меньшее количество *иконических* единиц, фонетический облик которых в той или иной степени отражает номинируемый денотат, единиц, обладающих совершенно иной, *иконической*, способностью к словоизменению.

Однако, как подчеркивал Р. О. Якобсон [28. С. 115], деление знаков (в том числе языковых) на иконы, индексы и символы не может быть абсолютным. По его словам, в основе разделения знаков на иконические знаки, знаки-индексы и знаки-символы лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, равно как и не *исключительно фактический* или *исключительно условный характер связи* между этими двумя составляющими, а лишь *преобладание* одного из этих факторов над другими.

На наш взгляд, также следует обратить особое внимание на тот факт, что знаки-иконы в языке со временем, как отмечал еще Фердинанд де Соссюр [2. С. 81], переходят в знаки-символы, но при этом не существует свидетельств того, чтобы знаки-символы массово переходили в знаки-иконы.

Нельзя ли в таком случае предположить, что иконические слова в языке (не отдельные звукоизображения, которые продолжают появляться и по сей день, а звукоизображения как *категория слов*) являются реликтами эволюционно более древней и, как следствие, более простой и примитивной языковой системы? Этот вопрос на сегодняшний день остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: КомКнига, 2006.
3. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
4. Erhard E. K., Killian-Hatz C. Ideophones. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.
5. Hinton L., Nichols J., Ohala J. Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

6. Doke C. M. *Bantu Linguistic Terminology*. London: Longmans, 1935.
7. Вельди Э. А. Англо-эстонские параллели в онома-топее: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988.
8. Канкия Н. Д. Примарная мотивированность слова (на материале английского и грузинского языков): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
9. Койбаева Т. Х. Звукосимволическая лексика английского и осетинского языков (опыт фоносемантической типологии): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
10. Мазанаев И. А. Основные группы звукосимволических слов: фоносемантический анализ (на материале английского и лезгинского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 19. Л., 1985.
11. *The Oxford English Dictionary*. 2^d ed. Oxford: Clarendon Press, 1989.
12. Alpher B. Yir-Yiront Ideophones. *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 161–178.
13. Msimang C. T., Poulus G. The Ideophone in Zulu. *Ideophones*. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 235–250.
14. Kaufman T. Symbolism and Change in Sound System of Huastec. *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 63–74.
15. Austerlitz R. Finnish and Gilyak Sound Symbolism. *The Interplay between System and History*. *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 249–263.
16. Newman P. Are Ideophones Really as Weird and Extra-Systematic as Linguists Make them out to Be? *Ideophones*. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 251–258.
17. Mikone E. Ideophones in the Balto-Finni Languages. *Ideophones*. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 223–234.
18. Childs G. T. African Ideophones. *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 178–207.
19. Schulze-Berndt E. Ideophone-like Characteristics of Uninflected Predicates in Jaminjung (Australia). *Ideophones*. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 355–374.
20. Ameke F. Ideophones and the Nature of the Adjective Word Class in Ewe Ideophones. *Ideophones*. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 25–48.
21. Malkiel Y. Diachronic Problems in Phonosymbolism. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1990.
22. Flaksman M. A. Preservation of long vowels in onomatopoeic words denoting pure tones: phonosemantic inertia // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. XVII чтения памяти И. М. Тронского: материалы Междунар. конф. СПб., 24–26 июня 2013 г. СПб.: Наука, 2013. С. 917–923.
23. Bartens A. *Ideophones and Sound Symbolism in Atlantic Creoles*. Finland: Gummerus Printing Saarjärvi, 2000.
24. Marchand H. *Phonetic Symbolism in English Word-Formation*. *Indogermanische Forschungen*, 1959. Bd. 64. H. 2. P. 146–168. H. 3. P. 256–267.
25. Wescott R. W. *Sound and Sense. Linguistic Essays on Phonosemic Subjects*. Lake Bluff: Jupiter Press, 1980.
26. Kabuta N. S. Ideophones in Ciluba. *Ideophones*. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 139–154.
27. Рожанский Ф. И. Редупликация: опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011.
28. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка. Семиотика: антология. М.: Академ. проект, 2001. С. 111–126.

M. A. Flaksman

Saint-Petersburg state electrotechnical university «LETI»

UNIVERSAL TRAITS OF ICONIC VOCABULARY: A TYPOLOGICAL STUDY

Devoted to the description of some universal traits that characterize iconic words of unrelated languages. Iconic (onomatopoeic and sound symbolic) words are the words that have a certain structural (iconic) similarity between form and meaning. While coining an iconic word a speaker strives to achieve the maximum similarity to the sound he or she is denoting. As a result such imitative formations bear greater resemblance to the natural sounds they name than to the rest of the language's vocabulary.

Sound iconicity, ideophone, phonosemantics, onomatopoeic words, sound symbolism, icon, linguistic typology
